

Дочь Сталкера сидит на кухне у стола - читает книгу. Она по-прежнему замотана платком. Опускает книгу, начинает безжизненно шевелить губами. Слышен ее голос.

МАРТЫШКА.

На столе стоит посуда. Мартышка смотрит на нее - и под этим взглядом по столу начинают двигаться... сначала стакан, потом банка... бокал. Скулит собака. Бокал падает на пол. Девочка ложится щекой на стол.

Грохочет мчащийся поезд. Дребезжат стекла. Музыка все громче, наконец слышно, что это ода «К Радости». Затемнение. Дребезжание стекол.

Борис Натанович Стругацкий.

«Пикник на обочине»

История написания этой повести (в отличие, между прочим, от истории ее опубликования) не содержит ничего занимательного или, скажем, поучительного. Задумана повесть была в феврале 1970 года, когда мы съехались в ДТ Комарове, чтобы писать «Град обреченный», и между делом, во время вечерних прогулок по пустынным заснеженным улочкам дачного поселка, придумали там несколько новых сюжетов, в том числе сюжеты будущего «Малыша» и будущего «Пикника...».

Эпопея «Пикника...» в издательстве «Молодая Гвардия» в это время еще только начинается. Собственно, эпопея эта, строго говоря, началась вместе с 1971 годом, когда повести «Пикник...» на бумаге еще не существовало и в заявке на сборник эта повесть предлагалась только лишь в виде самого общего замысла. Предполагаемый сборник назывался «Незначенные встречи», посвящался проблеме контакта человечества с иным разумом во Вселенной и состоял из трех повестей, двух готовых - «Дело об убийстве» и «Малыш» - и одной, находящейся в работе.

Неприятности начались сразу же.

16.03.71 - АН: «...начальство прочитало сборник, но мнетса и ничего определенного не сказала. По его требованию сборник дали на рецензию некоему доктору исторических наук (?) Маркову - на том основании, что он очень любит фантастику. «...» Затем рукопись с этой рецензией пойдет снова к Авраменке «тогдашняя заместительница главного редактора» (вероятно, для того, чтобы дать ей возможность переоценить имеющуюся, но содержащуюся в тайне оценку?), а затем уже пойдет к Осипову «главный редактор», а только тогда мы узнаем свою судьбу. Бляди. Л-литературоведы».

16.04.71 - АН: «Был я в МолГв у Белы. Она сказала, что ничего нам не отломится. Авраменко (зам. главного редактора - Б.Н.) просила ее открыть это нам как-нибудь дипломатично: мол, нет бумаги да договорный портфель полон, то-се, но она мне прямо сказала, что на каких-то верхах дирекции предложили до поры до времени со Стругацкими дела не иметь никакого. «...» Вот навалился класс-гегемон!»

А ведь «Пикник...» еще даже не написан, и речь идет, по сути, о повестях, никогда не вызывавших Большого Идеологического Раздражения, о повестушках совершенно невинных и даже аполитичных. Просто начальство не хочет иметь дело с «этими Стругацкими» вообще, и это общее нежелание вдобавок накладывается на тяжелую внутрииздательскую ситуацию: именно в это время происходит там смена власти и начинается выкорчевывание всего лучшего, что создала тамошняя редакция НФ-литературы при Сергее Георгиевиче Жемайтисе и Беле Григорьевне Ключевой, заботами и трудами которых расцвела отечественная фантастика Второго поколения...

В начале 80-х мы с АН самым серьезным образом обдумывали затею собрать, упорядочить и распространить хотя бы в самиздате «Историю одной публикации» (или «Как это делается») - коллекцию подлинных документов (писем, рецензий, жалоб, заявлений, авторских воплей и стонов в письменном виде), касающихся истории прохождения в печати сборника «Неназначенные встречи», гвоздевой повестью которого стал «Пикник...». БН даже начал систематическую работу по сортировке и подбору имеющихся материалов да забросил вскорости: дохлое это было дело, кропотливый, неблагодарный и бесперспективный труд, да и нескромность ощущалась какая-то во всей этой затее: кто мы, в конце концов, были такие, чтобы именно на своем примере иллюстрировать формы функционирования идеологической машины 70-х годов, - в особенности, на фоне судеб Солженицына, Владимова, Войновича и многих, многих других, достойнейших из достойных.

Затея была заброшена, но мы вновь вернулись к ней уже после начала перестройки, когда наступили новые и даже новейшие времена, когда возникла реальная возможность не просто пустить по рукам некое собрание материалов, но опубликовать его по всем правилам, с поучительными комментариями и ядовитыми характеристиками действующих лиц, многие из которых в те времена еще сохраняли свои посты и способны были влиять на литературные процессы. К работе подключились неустомимые «людены» - Вадим Казаков со товарищи. БН передал им все материалы, сборник был в значительной степени подготовлен, но довольно скоро выяснилось, что издать его реальной возможности нет - ни у кого не оказалось денег на подобное издание, которое вряд ли могло представлять коммерческий интерес. Кроме того, события неслись вскачь: путч, уход АН, распад Союза, демократическая, хоть и «бархатная», но несомненная революция - затея буквально на протяжении нескольких месяцев потеряла даже самую минимальную актуальность.

И вот сейчас я сижу за столом, смотрю на три довольно толстые папки, лежащие передо мною, и испытываю разочарование пополам с растерянностью и с заметной примесью недоумения. В папках - наши письма в издательство «Молодая Гвардия» (редакторам, завредакции, главному редактору, директору издательства), жалобы в ЦК ВЛКСМ, слезницы в отдел культуры ЦК КПСС и в отдел печати и пропаганды ЦК КПСС, заявления в ВААП (Всесоюзное Агенство по авторским правам), и, разумеется, ответы из всех этих инстанций, и наши письма друг другу - гора бумаги, по самым скромным подсчетам двести с лишним документов, - и я представления не имею, что со всем этим сейчас делать. Первоначально я предвкушал, как расскажу здесь историю опубликования «Пикника», назову некогда ненавистные нам имена, вдоволь поиздеваюсь над трусами, дураками, доносчиками и подлецами, поражу воображение читателя нелепостью, идиотизмом и злобностью мира, из которого мы все родом - и буду при этом ироничен и назидателен, нарочито объективен и беспощаден, добродушен и язвительны одновременно. И вот теперь я сижу, гляжу на эти папки и понимаю, что я безнадежно опоздал и никому не нужен - ни с иронией своей, ни с великодушием, ни с перегоревшей своей ненавистью. Канули в прошлое некогда могущественные организации, владевшие почти неограниченным правом разрешать и вязать - канули в прошлое и забыты до такой степени, что пришлось бы скучно и занудно объяснять нынешнему читателю, кто есть кто, почему в отдел культуры ЦК жаловаться не имело смысла, а надобно было жаловаться именно в отдел печати и пропаганды, и кто такие были Альберт Андреевич Беляев, Петр Нилыч Демичев и Михаил Васильевич Зимянин, - а ведь это были тигры и даже слоны советской идеологической фауны, вершители судеб, «роководители» и «роконосцы»! Кто их помнит сегодня и кому интересны теперь те из них, кто еще пока числится среди живых? А что же тогда говорить о малых сих, - о визгливом сонме мелких чиновников от идеологии, об идеологических бесах, имя коим легион, вред от коих был неизмерим и неисчислимо, злобность и гнусность коих требует (как любили писать в XIX веке) пера, более опытного, мощного и острого, нежели мое! Я даже упоминать их здесь не хочу - пусть сгинут в прошлом, как ночная нечисть, и навсегда... Если бы мне вздумалось все-таки опубликовать здесь хотя бы

простой перечень всех относящихся к делу документов с краткой их характеристикой, перечень этот выглядел бы примерно так:

30.04.75 А -> Б (у редакции «серьезные сомнения» по поводу ПНО)

5.06.75 Письмо АБС Медведеву с просьбой о редзаключении

25.06.75 Письмо Зиберова с объяснением задержки

8.07.75 Редзаключение Медведева и Зиберова

21.07.75 Ответ АБС на редзаключение

23.08.75 Б -> А (сборник обработан и отослан в редакцию еще в июле)

1.09.75 Уведомление Зиберова о получении рукописи

5.11.75 Письмо Медведева с отказом «Пикнику»

17.11.75 Письмо АБС Медведеву с аргументацией против отказа

17.11.75 Письмо БН Медведеву с выражением недоумения

8.01.76 Письмо АБС Полещуку с жалобой на Медведева

24.01.76 Уведомление Паршина о получении письма в ЦК ВЛКСМ

20.02.76 Письмо Паршина о принятых мерах

10.03.76 Б -> А (проект писем Паршину и Синельникову)

24.03.76 Письмо АБС Паршину с напоминанием

24.03.76 Письмо АБС Синельникову с напоминанием

30.03.76 Письмо Паршина о принятых мерах

5.04.76 А -> Б (предложение составить письмо в высшие инстанции)

12.04.76 Письмо Медведева с отказом «Пикнику»

И так далее, в этом же духе. Кому это сегодня нужно, и кто это сегодня станет читать? Но если не об этом, то о чем же остается тогда писать? Как без этого суконно-скучного перечня и уныло-злобного комментария к нему рассказать историю публикации «Пикника» - историю в известном смысле даже загадочную. Ибо повесть эта, наверное, не лишена была каких-то недостатков, но ведь в то же время не лишена она была и очевидных достоинств: она была безусловно увлекательна, способна произвести на читателя достаточно сильное впечатление (вдохновила же она такого замечательного читателя, как Андрей Тарковский, на создание выдающегося фильма); и притом она безусловно не содержала в себе НИКАКИХ нападок на существующий строй, а наоборот, вроде бы лежала в русле господствующей антибуржуазной идеологии... Так почему же тогда, по каким таким загадочным - мистическим? инфернальным? - причинам обречена она оказалась на прохождение через издательство в течение ВОСЬМИ с лишним лет! Сначала издательство вообще не хотело заключать договор на сборник; потом заключило, но почему-то восстало против повести «Дело об убийстве»; затем вроде бы согласилось заменить «Дело об убийстве» на апробированную ранее повесть «Трудно быть богом», но

зато решительно восстало против «Пикника»... Даже вкратце невозможно здесь изложить историю этой борьбы - получается слишком длинно: как-никак восемь лет все-таки. Тут были и неожиданные отказы от собственных требований (вдруг ни с того, ни с сего: долой «Трудно быть богом»!), и пяти- или даже шестикратные перезаключения договора, и даже внезапные попытки вообще разорвать все и всяческие отношения (вплоть до суда!), но главное, и все время, и неуклонно, и неизменно, из года в год, из разговора в разговор, из письма в письмо: убрать из «Пикника» оживших покойников; изменить лексику Рэдрика Шухарта; вставить слово «советский», когда речь идет о Кирилле Панове; убрать мрачность, безысходность, грубость, жестокость... Сохранился замечательный документ: постраничные замечания редакции по языку повести «Пикник на обочине». Замечания располагаются на восемнадцати (!) страницах и разбиты по разделам: «Замечания, связанные с аморальным поведением героев»; «Замечания, связанные с физическим насилием»; «Замечания по вульгаризмам и жаргонным выражениям». Не могу позволить себе не привести оттуда несколько выдержек. Причем обратите внимание: я ни в коем случае не подбираю цитат, не ищу глупостей специально, я даю все подряд.

«всего 93 замечания, приводятся первые десять»

должен зад свой толстый задрать - с. 21

уж я на зубах пойду, не то что на руках - с. 21

да на карачках - с. 32

вытащил флягу, отвинтил крышечку и присосался, как клоп - с. 25

высосал флягу досуха - с. 35

одного последнего глотка, конечно, не хватило - с. 35

Напьюсь сегодня как зюзя. Ричарда бы ободрать, вот что! Надо же, стервец, как играет - с. 38

А мне выпить хочется - никакого терпежу нет - с. 42

С удовольствием бы опрокинул с тобой стаканчик в честь такого знакомства - с. 42

...не говоря лишнего слова, наливает мне на четы ре пальца крепкого. Я взгромоздился на табурет, глотнул, зажмурился, головой помотал и опять глотнул - с. 43...»

«всего 36 замечаний, приводятся последние десять»

цапнул со стола тяжелую пивную кружку и с размаху хватил ею по ближайшей хохочущей пасти - с. 179

Тогда Рэдрик пошарил в кармане, выбрал гайку граммов на двадцать и, прицелившись, запустил ему в голову. Гайка попала Артуру прямо в затылок. Парень ахнул «и т. д.» - с. 182

А в следующий раз надаю по зубам - с. 182

лягнул Рэдрика свободной ногой в лицо, забился и задергался «и т. д.» - с. 185

судорожно уминая грудью голову этого проклятого сопляка, не выдержал и заорал изо всех сил - с. 185

Теперь эта смазливая мордашка казалась черно серой маской из смеси запекшейся крови и пепла «и т. д.» - с. 185

Рэдрик бросил его лицом в самую большую лужу - с. 186

душу из гадов вынуть, пусть дряни пожрут, как я жрал - с. 202

он с размаху ударил себя полураскрытым кулаком по лицу - с. 202...»

«всего 251 замечание, приводится произвольный десяток из середины»

и вдруг принялся ругаться бессильно и злобно, черными, грязными словами, брызгая слюной... - с. 72

– Надевай зубы и пойдем - с. 72

Мясник выругался - с. 74

Сволочь ты... Стервятник - с. 74

гад - с. 76

жрать охота - сил нет! - с. 77

Мартышка безмятежно дрыхла - с. 77

грязен он был как черт - с. 78

Кой черт! - с. 82

бибикнул на какого-то африканца - с. 85...»

«Разумеется «сообщалось в сопроводительном письме редакции», мы выписали только те выражения и слова, которые, на наш взгляд, нуждаются либо в устранении, либо в замене. Эти замечания продиктованы прежде всего тем, что Ваша книга предназначена для молодежи и подростков, для комсомольцев, которые видят в советской литературе учебник нравственности, путеводитель по жизни».

Помню, получивши в руки этот блистательный документ, я кинулся прямиком к своим стеллажам и радостно извлек на свет божий любимого нашего и непревзойденного Ярослава Гашека. С каким невероятным наслаждением я прочитал оттуда:

«Жизнь - это не школа для обучения светским манерам. Каждый говорит как умеет. Церемониймейстер доктор Гут говорит совсем иначе, чем хозяин трактира «У чаши» Паливец. А наш роман не пособие для салонных шаркунов и не научная книга о том, какие выражения допустимы в благородном обществе...» «Правильно было когда-то сказано, что человек, получивший здоровое воспитание, может читать все. Осуждать то, что естественно, могут лишь люди духовно бесстыдные, изощренные похабники, которые, придерживаясь гнусной лжеморали, не смотрят на содержание, а с гневом набрасываются на отдельные слова. Несколько лет назад я читал рецензию на одну повесть. Критик

выходил из себя по поводу того, что автор написал: «Он высморкался и вытер нос». Это, мол, идет вразрез со всем тем эстетическим и возвышенным, что должна давать народу литература. Это только один, притом не самый яркий пример того, какие ослы рождаются под луной...»

Ах, как было бы сладостно процитировать все это господам из «Молодой Гвардии»! И добавить кое-что от себя в том же самом духе. Но, увы, это было совершенно бессмысленно и, может быть даже, тактически неправильно. Кроме того, как стало нам ясно много-много лет спустя, мы совершенно неправильно понимали мотивы и психологию всех этих людей. Мы ведь искренне полагали тогда, что редакторы наши просто боятся начальства и не хотят подставляться, публикуя очередное сомнительное произведение в высшей степени сомнительных авторов. И мы все время, во всех письмах наших и заявлениях, всячески проповедовали то, что казалось нам абсолютно очевидным: в повести нет ничего криминального, она вполне идеологически выдержана и безусловно в этом смысле неопасна. А что мир в ней изображен грубый, жестокий и бесперспективный, так он и должен быть таким - мир «загнивающего капитализма и торжествующей буржуазной идеологии».

Нам и в голову не приходило, что дело тут совсем не в идеологии. Они, эти образцово-показательные «ослы, рожденные под луной», ведь НА САМОМ ДЕЛЕ ТАК ДУМАЛИ: что язык должен быть по возможности бесцветен, гладок, отлакирован и уж ни в коем случае не груб; что фантастика должна быть обязательно фантастична и уж во всяком случае не должна соприкасаться с грубой, зримой и жестокой реальностью; что читателя вообще надо оберегать от реальности - пусть он живет мечтами, грезами и красивыми бесплотными идеями... Герои произведения не должны «ходить» - они должны «выступать»; не «говорить» - но «произносить»; ни в коем случае не «орать» - а только лишь «воскликать»!... Это была такая специфическая эстетика, вполне самостоятельное представление о литературе вообще и о фантастике в частности, такое специфическое мировоззрение, если угодно. Довольно распространенное, между прочим, и вполне безобидное, при условии только, что носитель этого мировоззрения не имеет возможности влиять на литературный процесс.

(Впрочем, судя по письму БН от 4.08.77: «...С Медведевым поступлено так: а). Сделано 53 стилистических поправки из списка «Вульгаризмов» - объяснено в письме, что это делается из уважения к требованиям ЦКмола; б). Вставлено толкование покойников как киборгов для исследования землян, а Шара - как некоего бионического устройства, улавливающего биотоки простых желаний - объяснено в письме, что это делается, дабы отвязаться; в). Написано далее в письме, что прочие требования редакции (связанные с насилием и пр.) являются идеологической ошибкой, ибо приводят к лакировке капдействительности. Все отослано с уведомлением и, судя по уведомлению, получено в МолГв 26 июля с. г. В жопу, в жопу...»)

Это был самый разгар битвы. Многое и многое еще было впереди: очередные пароксизмы редакционной бдительности, попытки вообще разорвать с авторами договор, жалобы наши и слезницы в ВААП, ЦК ВЛКСМ, ЦК КПСС... Сборник «Незначенные встречи» вышел в свет осенью 1980 года, изуродованный, замордованный и жалкий. От первоначального варианта остался в нем только «Малыш» - «Дело об убийстве» потерялось на полях сражений еще лет пять тому назад, а «Пикник...» был так заредактирован, что ни читать его, ни даже просто перелистывать авторам не хотелось.

Авторы победили. Это был один из редчайших случаев в истории советского книгоиздательства: Издательство не хотело выпускать книгу, но Автор заставил его сделать это. Знатоки считали, что такое попросту невозможно. Оказалось - возможно. Восемь лет. Четырнадцать писем в «большой» и «малый» ЦК. Двести унижительных исправлений текста. Не поддающееся никакому учету количество на пустяки

растроченной нервной энергии... Да, авторы победили, ничего не скажешь. Но то была Пиррова победа.

Впрочем, «Пикник...» был и остается по сей день популярнейшей из повестей АБС - во всяком случае, за рубежом. Тридцать восемь изданий в двадцати странах (по данным на конец 1997), в том числе: в Болгарии (4 издания), ГДР (4), США (4), в Польше (3), в Чехословакии (3), Италии (2), Финляндии (2), ФРГ (2), Югославии (2) и т. д. Рейтинг повести в России тоже достаточно высок, хотя и уступает, скажем, рейтингу «Понедельника...». Повесть все еще продолжает жить и, может быть, даже доживет до XXI века.

Разумеется, текст «Пикника...» в современных изданиях полностью восстановлен и приведен к авторскому варианту. Но сборник «Неназначенные встречи» мне и сегодня неприятно даже просто брать в руки, не то что читать.

«Киносценарии»

Безвозвратно утрачены почти все варианты сценария фильма «Сталкер». Мы начали сотрудничать с Тарковским в середине 1975 года и сразу же определили для себя круг обязанностей. «Нам посчастливилось работать с гением, - сказали мы тогда друг другу. - Это значит, что нам следует приложить все свои силы и способности к тому, чтобы создать сценарий, который бы по возможности исчерпывающе нашего гения удовлетворил».

Я уже рассказывал и писал раньше, что работать над сценарием «Сталкера» было невероятно трудно. Главная трудность заключалась в том, что Тарковский, будучи кинорежиссером, да еще и гениальным кинорежиссером вдобавок, видел реальный мир иначе, чем мы, строил свой воображаемый мир будущего фильма иначе, чем мы, и передать нам это свое, сугубо индивидуальное видение он, как правило, не мог, - такие вещи не поддаются вербальной обработке, не придуманы еще слова для этого, да и невозможно, видимо, такие слова придумать, а может быть, придумывать их и не нужно. В конце концов, слова - это литература, это высоко символизированная действительность, совсем особая система ассоциаций, воздействие на совсем иные органы чувств, в то время как кино - это живопись, это музыка, это совершенно реальный, я бы даже сказал - беспощадно реальный мир, элементарной единицей которого является не слово, а звучащий образ.

Впрочем, все это теория и философия, а на практике работа превращалась в бесконечные, изматывающие, приводящие иногда в бессильное отчаяние дискуссии, во время коих режиссер, мучаясь, пытался объяснить, что же ему нужно от писателей, а писатели в муках пытались разобраться в этой мешанине жестов, слов, идей, образов и сформулировать для себя, наконец, как же именно (обыкновенными русскими буквами, на чистом листе обыкновеннейшей бумаги) выразить то необыкновенное, единственно необходимое, совершенно непередаваемое, что стремится им, писателям, втолковать режиссер.

В такой ситуации возможен только один метод работы - метод проб и ошибок. Дискуссия... разработка примерного плана сценария... текст... обсуждение текста... новая дискуссия... новый план... новый вариант - и опять не то... и опять непонятно, что же надо... и опять невозможно выразить словами, что же именно должно быть написано СЛОВАМИ в очередном варианте сценария...

(К сожалению, не вели мы тогда никаких протоколов наших бесед, и ничего от них не осталось ни в памяти, ни на бумаге, кроме нескольких строчек типа: «19.12.75 Тарковский. Человек = инстинкт + разум. Есть еще что-то: душа, дух (мораль, нравственность). Истинно

великое м. б. бессмысленным и нелепым - Христос». Совершенно не помню, в каком контексте шла речь об этих существеннейших проблемах и почему мы именно об этом тогда говорили...)

Всего получилось не то семь, не то восемь, не то даже девять вариантов. Последний мы написали в приступе совершеннейшего отчаяния, после того как Тарковский решительно и окончательно заявил: «Все. С таким Сталкером я больше кино снимать не буду»... Это произошло летом 1977-го. Тарковский только что закончил съемки первого варианта фильма, где Кайдановский играл крутого парня Алана (бывшего Рэдрика Шухарта). Фильм при проявке запороли, и Тарковский решил воспользоваться этим печальным обстоятельством, чтобы начать все сызнова.

АН был с ним на съемках в Эстонии. И вот он вдруг, без всякого предупреждения, примчался в Ленинград и объявил: «Тарковский требует другого Сталкера». - «Какого?» - «Не знаю. И он не знает. Другого. Не такого, как этот». - «Но какого именно, трам-тарарам?!» - «Не знаю, трам-трам-трам-и-тарарам!!! ДРУ-ГО-ГО!»...

Это был час отчаяния. День отчаяния. Два дня отчаяния. На третий день мы придумали Сталкера-юродивого. Тарковский остался доволен, фильм был переснят. И вот именно тот сценарий, который мы за два дня переписали и с которым АНС помчался обратно в Таллин, этот последний вариант «Сталкера» публикуется здесь в своем (насколько я могу вспомнить) первоизданном виде.

Кроме того, сохранился третий (или четвертый?) вариант сценария - он опубликован в НФ в 1981 году. И сохранился (чудом!) самый первый вариант - он известен под названием «Машина желаний», хотя, мне кажется, что самое первое, условное название было все-таки «Золотой Шар». Сохранились в архиве еще какие-то разрозненные обрывки, вырезки и клочки - то, что осталось от предпоследнего варианта после того, как мы превратили его в последний. И осталась (естественно) литературная запись. Она очень похожа на самый последний вариант, хотя в нашем тексте, помнится, никогда не было великолепного финального прохода Сталкера с дочкой на плечах.

Мне кажется, знатокам и любителям как повести «Пикник на обочине», так и фильма «Сталкер» небезлюбопытно сравнивать, насколько первый вариант киносценария отличается от самой повести, а последний вариант - от первого.

Вообще говоря, история написания киносценария есть, как правило, история жесткого взаимодействия сценариста с режиссером. История беспощадной борьбы мнений и представлений, зачастую несовместимых. Сценарист, как мне кажется, обязан в этом столкновении творческих подходов идти на уступки, ибо кинофильм - это вотчина именно режиссера, его детище, его территория, где сценарист существует в качестве хоть и творческого, но лишь наемного работника.

На протяжении тридцати лет нам приходилось иметь дело с разнообразными типами, вариациями и разновидностями кинорежиссеров. Самый среди них распространенный - бурно-кипящий, говорливый, абсолютно уверенный в себе энтузиаст. Он стремителен. Он, как гром с ясного неба, возникает вдруг из небытия, обрушивается на автора ворох соблазнительнейших предложений и остроумных, льстящих авторскому воображению идей и так же стремительно, подобно молнии, исчезает опять в своем небытие - навсегда и без всякого следа. Таких у нас было множество.

Если же говорить о серьезных режиссерах, то они все были очень не похожи друг на друга. Они были такие же разные, как и их фильмы.

Андрей Тарковский был с нами жестким, бескомпромиссным и дьявольски неуступчивым. Все наши робкие попытки творческого бунта подавлялись безо всякой пощады. Лишь

однажды, кажется, удалось нам переубедить его: он согласился убрать из фильма «петлю времени» (которую мы сами же для него и придумали - монотонно повторяющийся раз за разом проход погибшей некогда в Зоне бронеколонны через полуразрушенный мостик). Этот прием почему-то страшно его увлекал, он держался за него до последнего, и только соединенными усилиями нам удалось убедить его в том, что это банально, общеизвестно и тысячу раз «было». Он согласился наконец, да и то, по-моему, только оттого, что ему пришлось по душе наша общая идея: в Зоне должно быть как можно меньше «фантастики» - непрерывное ожидание чего-то сверхъестественного, максимальное напряжение, вызываемое этим ожиданием, и - ничего. Зелень, ветер, вода...